

— Не утруждаю, — Чи Чэн не придавал этому значения, поставил миску перед местом Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань вышел из ванной и сразу сел, наклонившись к столу, чтобы вдохнуть аромат.

— Вау, — осторожно потрогал миску, она была еще горячей.

Чи Чэн пошел на кухню за остальным, а у Тао Сяодуна зазвонил телефон в комнате, и он встал, чтобы ответить.

Тао Хуайнань положил руки на колени и терпеливо ждал, пока они вернуться, чтобы начать есть. Его нос был полон аромата супа, он так любил суп, который готовил ему Чи Чэн.

— Брат Ку, принеси мне... — Тао Хуайнань не успел закончить фразу, как раздались громкие звуки ударов, затем он вскрикнул, а после послышался звон разбившейся миски.

Тао Сяодун и Чи Чэн бросились к нему. Тао Хуайнань в панике стоял в стороне, дергая штаны и дрожа.

— Обжегся?! — спросил Тао Сяодун, оттягивая Тао Хуайнаня подальше от осколков. — Дай посмотреть.

— Очень горячо, — тыльная сторона руки Тао Хуайнаня покраснела, на штанах остались следы супа. Он был так напуган, что его голос дрожал. — Я не трогал, она сама упала, так горячо!

Чи Чэн ничего не сказал, присел и сразу сдернул с Тао Хуайнаня штаны, сняв и нижнее белье. Тапочки он тоже не дал ему надеть, сразу повел в ванную под холодную воду.

Холодная вода, ударившая по телу, заставила Тао Хуайнаня снова вскрикнуть. Чи Ку заставил его встать в ванну, снял душ и прямо из шланга полил водой на ноги Тао Хуайнаня. Холодная вода стекала по ногам, и Тао Хуайнань дрожал от холода.

— Сильно болит? — спросил Чи Чэн, держа его одной рукой и хмурясь.

— Под водой не болит, а без воды болит, — Тао Хуайнань схватил его за руку, боясь поскользнуться, и тихо объяснял. — Я правда не трогал...

Когда слепой ребенок по неосторожности доставлял неудобства другим, он всегда чувствовал себя виноватым.

Чи Чэн сказал:

— Не твоя вина, все в порядке.

Суп был налит уже некоторое время назад, он, конечно, был горячим, но, скорее всего, не мог вызвать ожога. После холодной воды и обработки все должно было быть в порядке. Но это не мешало Тао Сяодуну переживать. Видя, как Тао Хуайнань стоит в ванной с голыми ногами под холодной водой и все еще объясняет, что это не его вина, он чувствовал себя неловко.

Тао Сяодун сел на край ванны и мягко похлопал брата по спине:

— На столе была вода, не твоя вина.

Руки Тао Хуайнаня тоже обожглись, он сам поднес их под воду, а Чи Чэн продолжал поливать

их, делая это довольно долго.

Из-за того, что он не видел, Тао Хуайнань с детства не раз обжигался, и с ним могло произойти что угодно. Чи Чэн привык справляться с такими ситуациями, будь то ожоги или раны, он всегда мог их обработать.

Обтерев Тао Хуайнаня полотенцем, Чи Чэн почти на руках отнес его обратно в комнату. Тао Сяодун даже не успел помочь, а когда он попытался, Чи Чэн, не поднимая головы, сказал:

— Я сам, брат.

— Еще болит? — Чи Чэн положил Тао Хуайнаня на кровать и пошел за мазью от ожогов.

— Нет, — Тао Хуайнань чихнул и честно ответил. — Просто немного жарко, но не так, как раньше.

Чи Ку кивнул и сказал:

— Все в порядке.

Он был настолько спокоен, что Тао Сяодун решил больше не вмешиваться, просто прислонился к стене и наблюдал за ними. Он смотрел, как Чи Чэн аккуратно наносит мазь, а Тао Хуайнань из-за чувства вины и сожаления легонько касается волос Чи Чэна.

Казалось, за то время, что он не обращал внимания, они уже выросли в почти взрослых людей.

Тао Хуайнань действительно не трогал ту миску. Он сидел прямо и ждал, когда начнут есть, потрогав ее один раз и поняв, что она горячая, больше не прикасался. На дне миски была вода, возможно, и на столе тоже, и миска действительно соскользнула сама.

Кто был виноват? Чи Чэн, который приготовил суп, или Тао Сяодун, который пошел отвечать на звонок?

Никто не был виноват, все сводилось к тому, что Тао Хуайнань не видел.

Чи Чэн в комнате наносил мазь Тао Хуайнаню, а Тао Сяодун убирал беспорядок на столе.

Тао Хуайнань чувствовал себя неловко и почти не говорил.

Когда все закончилось, Чи Чэн тыльной стороной руки коснулся его подбородка и сказал:

— Приготовлю тебе еще одну порцию.

Тао Хуайнань покачал головой:

— Не надо.

— Я поем, — Чи Чэн вышел из комнаты.

Тао Хуайнань и Тао Сяодун съели по миске супа, но Тао Хуайнань съел совсем немного. Чи Чэн спросил:

— Что хочешь завтра?

Тао Хуайнань снова покачал головой и тихо сказал:

— Что дадите, то и съем, не буду выбирать.

— Посмотри на него, — Тао Сяодун рассмеялся. — Ты специально так делаешь или действительно чувствуешь себя виноватым?

— Не знаю, — подумав, ответил Тао Хуайнань. — Наверное, и то, и другое.

Чи Чэн и Тао Сяодун рассмеялись, и Тао Сяодун сказал:

— Если бы он был меньше, то уже бы заплакал.

Чи Ку кивнул:

— Скоро и заплачет.

Братья специально подшучивали над ним. До слез, конечно, не дошло бы, но чувство самобичевания точно появилось бы.

Вечером Тао Хуайнань время от времени ворочался, не мог уснуть и все время двигался.

Чи Чэн сначала не обращал на это внимания, но потом сказал:

— Спи спокойно.

Тао Хуайнань кряхтел и наконец ответил:

— Ага...

Чи Чэн добавил:

— Спи быстрее, а то утром не проснешься.

Тао Хуайнань сжал губы и ничего не сказал.

То, что произошло за ужином, вряд ли могло заставить его до сих пор не спать, это было бы слишком. Те эмоции, которые это вызвало, длились у Тао Хуайнаня около двух часов, а сейчас он не мог уснуть по другой причине.

Эта причина... была немного неловкой.

Тао Хуайнань засунул руку под одеяло и потянул штаны. Самое нежное и уязвимое место мальчика касалось ткани и вызывало легкую боль.

Когда суп пролился, небольшая его часть попала и туда, но Тао Хуайнань стряхнул ее. Брат и Чи Чэн были заняты большим красным пятном на ноге и не заметили, что неподалеку другое одинокое и хрупкое место тоже слегка покраснело.

Тао Хуайнань снова перевернулся и снова потянул штаны, пытаясь сменить позу, чтобы ткань не касалась этого места.

— Ты еще ворочаешься? — Чи Чэн открыл глаза и посмотрел на него, но видел только затылок Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань закрыл глаза, боль раздражала его, и он не сдержался:

— Спи себе... Я ворочаюсь, но это не мешает тебе.

Чи Чэн ничего не сказал, просто смотрел на него.

Тао Хуайнань, сказав это, сам понял, что что-то не так, но ему было все равно. Боль была не сильной, но она беспокоила его, постоянно напоминая о себе, и нельзя было прикасаться к штанам.

Чи Чэн молчал, и Тао Хуайнань начал нервничать. Через некоторое время он все же повернулся к нему. Боясь, что Чи Чэн рассердится, он не мог объяснить, почему плохо говорил, несколько раз открывал и закрывал рот, но в конце концов сдался и сказал:

— Мне больно.

Чи Чэн спросил:

— Где болит?

— Там! — Тао Хуайнань прикрыл лицо рукой, и его голос прозвучал глухо. — Там, там, там.

Тао Хуайнань всегда был прямолинейным, говорил все, что думал, и даже когда его раздели и поливали холодной водой десять минут, он не стеснялся. Но сейчас он лишь смутно указал на место словом «там».

Чи Чэн подумал пару секунд, прежде чем понял, и сел, включив свет.

— Что случилось? — Чи Чэн посмотрел на Тао Хуайнаня, лежащего с рукой на лице. — Почему болит?

— Обжегся... — Тао Хуайнань поджал ноги и тихо сказал. — Суп попал туда.

— Почему не сказал? — Чи Чэн откинул одеяло и потянулся к его штанам, явно раздраженный.
— Почему не сказал, когда мы поливали водой?

— Тогда не так болело... — Тао Хуайнань схватился за пояс и попытался остановить его. — Принеси мазь, я сам нанесу.

— Отойди, — Чи Чэн отстранил его руку. — Не капризничай, дай посмотреть.

Когда Чи Чэн снял с него штаны, Тао Хуайнань почувствовал легкое смущение только в первый момент, но потом ему стало все равно. Пусть смотрит, что еще можно сделать? К тому же это был его брат, и он видел его уже много раз. В начальной школе у него было воспаление, и Чи Чэн каждый день помогал ему наносить мазь, делая это целую неделю.

Спереди было небольшое покраснение, и Чи Чэн даже пальцем проверил другую сторону, а затем, вставая, сказал:

— Принесу мазь, жди.

Тао Хуайнань уже был в таком состоянии, что ему было все равно. Он лежал, раздвинув ноги, и ждал, пока Чи Чэн вернется с мазью.

Как только Чи Чэн вернулся, Тао Хуайнань сказал:

— Закрой дверь...

<http://bllate.org/book/16228/1458247>